

Я меняю работу так часто, что иногда с похмелья забываю про все на свете и умудряюсь войти в двери того бара, откуда уволился месяц назад. Они у меня в голове все перепутались, эти бары, эти шмары. По чесноку и луку, я, конечно, не бармен вашей мечты. Пьющий я человек, как мой новый друг Хэм, хозяин «Мутного глаза», да и нагрубить могу. Но не всем, берега я еще пока вижу.

Не надо объяснять, что в Москве много алкашей с набитыми кошельками, что таким, как я, гарантирует прибежище в любое время года. Они же постоянно что-то открывают! Прогорают, влезают в кредитное рабство, пропиваются до нитки, потом кодируются на год и опять запускают какой-нибудь паб «Без баб» и трактир «Рок-пунктир». Набирают прошаренный (я делаю в воздухе пальцами кавычки) менеджмент, те нанимают нас, старых заплатанных придурков с опытом и без совести. Конечно, много валит в столицу провинциального чистенького и честенького персонала. Но прошаренный менеджер всегда отдаст предпочтение такому, как я.

Я самый, что ни на есть московский олд скул. Со мной можно иметь дело, дела и делишки. Мне ничего не страшно, у меня нет семьи, я могу хоть завтра вписаться в любую сомнительную схему. Ну дадут мне треху, дальше что? Я как тот чувак из книжки, который мечтал на зиму в тюрьгу сесть, потому что просрал пальто и не было денег снять угол, а его никак не забривали. Он уж и витрины бил, и дрался в кабаках, воровал в магазинах. В итоге все закончилось хорошо! Когда пацан просто стоял и любовался Луной, к нему подошел мусор и повинтил его.

ПОТОМУ ЧТО ТЫ СЦУКО ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЙ!

А я не подозрительный? У меня нет левого глаза, у меня всего восемнадцать зубов и те гнилые, у меня алименты и, возможно, я воевал наемником на Кавказе, причем не могу гарантировать, с какой именно стороны. Но об этом лучше помалкивать в моем случае. Тихо, блин!

Я работаю только в закрытых от посторонних рыл барах. Никакого гламура, только подвалы и заводские лофты, только байкеры, шмайкеры, бандосы и пападосы. Я даже работал в таком звездном месте, где что ни ночь так бои без правил – то собаки, то бабы, то вообще непонятные существа. Реально, то ли гоблины, то ли гуманоиды. Жесть! В центре белокаменной, ага. Сорян, адресок не могу назвать, это будет палево и залет.

Но я уже год держусь в «Мутном глазе» и вроде прижился. Я всегда живу в барах, если у меня нет постоянной телки. А ее нет. Сплю я плохо и мало, часа четыре в сутки. И дело не в графике, хотя наш бардак работает до последнего чокнутого клиента. Просто сон алкоголика, как говорил мой батя, краток и тревожен. Сплю я на широкой лавке. В «Мутном глазе» все под ирландский паб сделано, кругом дерево, сети рыбацкие, мешки, набитые опилками. Очень люблю их под голову класть.

Хозяин бара нормальный мужик, он все по Донбассу угорает, постоянно мотается туда. У него там могилки святые, младший брат и лучший друг лежат. Поэтому в нашем баре «Слава Украине» лучше не кричать. Да я и сам первый дам в грызло.

– Айсман, меня не будет две недели, – обычно говорит мне Хэм, – контролируй ситуацию у стойки, не позволяй никому говнить в нашем баре.

Вообще-то у меня простая русская фамилия, но вы же смотрели «Семнадцать мгновений весны» и помните артиста Куравлева с одним глазом? Айсмана он играл. Теперь я Айсман. Хэм пошутил при первой встрече, да так и прилипло. Не вопрос, я не в обиде. В «Швейке» меня называли Глазожопом, а в «Кувалде» Жопоглазом. Считают себя оригиналами, твари. Паршивые там люди были. Не посещайте эти вонючие клоповники с разбавленной ссаниной пивом.

А здесь хорошо. Ем, пью, общаюсь с интересными типами, встречаются интеллигенты, художники, писатели. Старик Лимонов приходил как-то, душевно пообщались. Моюсь у нас же, гладить мне не надо, я всегда в джинсах, а зачем их гладить? Майки и так сойдут, мы же рок-н-ролл лабаем.

Я играю на гитаре, да. У меня была когда-то группа, но все сторчались, пацлы. Иногда я играю, когда в баре остается два-три пассажира. Мне хлопают, иногда просят повторить песенку. У меня даже есть жирный хит.

Я лежу на дне окопа
И имею бледный вид
У меня промокла жопа
Потому что моросит

Ну и там потом пам-пам-тадада-пам-пам. Про войну, йопта.

И вот, как-то раз в понедельник, когда в зале кроме меня и уборщицы Лизаветы никого не было, заходит один кент понтовый. Красивый мужчина, в казаках, штаны кожаные, болты и гайки, кожаная жилетка поверх коричневой рубашки в клетку. Сентябрь теплый, думаю, можно

и в жилетке. С другой стороны, думаю, может, он из тачки вылез, а в тачке хоть в минус 30 в одних труселях ездил.

Садится за стол, кладет мобилу дорогу, я ему подношу меню, говорю, бонжур, шалом и все такое. Все вежливо. Кент заказал бургер, начос и 150 текилы. И тут я улыбнулся. Ну смешно же, рязанская харя, а строит из себя Бандераса. Тот хоть похож на мексиканца, а этот! Смотрю, он сошурил zenки. Я как-то дружелюбно вполне отшутился и отвалил на кухню. Наш повар приходит не раньше пяти вечера, он наркоман, по-моему, но готовит очень вкусно. Хэм его терпит много лет. Так как наркотики ему заменили маму и папу, он плохо ориентируется в пространстве и времени. Вовремя прийти на работу это для него проблема. Обычно я с трех дня начинаю ему эсэмэс кидать, чтоб он приходил в себя.

Бургер сделал, начос навалаял, текилы плеснул. Положил на поднос пепельницу, чтоб не дырявил стол придурок, выхожу в зал.

– Еще раз, пожалуйста, гражданин Засосов, покажите, откуда вы вышли, где лежало тело, все по порядку.

Я вышел из кухни во второй раз, когда сделал сырную тарелку. Он попросил еще 150 текилы и сырную тарелку. Текилу я подал сразу, а с сыром возился минут пятнадцать, может, больше. Я не повар, ешкин кот, и не официант. Лизавета куда-то во двор, что ли, вышла. И ни наркомана, ни этой рыжей официантки с ожирением предсмертной стадии все еще не было.

Выношу тарелку. Смотрю, лежит, сам башкой в начос, спиртное пролито. Снял на мобилу видос на всякий случай. Сейчас хорошо алиби и улики стряпать, развитые технологии позволяют. В баре Хэм нигде не ставит камеры принципиально, у меня, говорит, остров Свободы.

Набрал полицию, конечно. Сообщаю, что по адресу такому-то по ходу дела трупак-шакур, приезжайте, забирайте.

И тут мне поспать приспичило. У меня так бывает, дня три-четыре тишина в кишках, зато потом в неподходящее время так вломит! Я в сортире три Новых года подряд как-то пропустил из-за большого желудка. Сел, сижу, но как бы и тороплюсь, входную дверь-то я забыл закрыть, еще спустится какой-нибудь мудака и от вида покойника набздит со страху. Или хуже того, обшмонает тело, пропадет что-нибудь, а мне пришьют кражу.

Выхожу. Нет, мать его, трупака. Как ветром сдуло гребаного шакура.

– Как же он мог уйти, гражданин Засосов? На видео с вашего телефона он выглядит убитым.

Пропал. Менты повозились, почесали репы и оставили меня в покое. Нет состава преступления, ни крови на полу, ни гильзы от пистолета, и самого мертвеца нет. Свалил мертвец по своим делам. Я заяву писать отказался, мало ли какие странные человеки отираются в столице нашей Родины.

Проходит несколько недель, и снова в такой же понедельник в баре появляется этот кент. Только теперь уже в плаще и шляпе. Весь в черном. Правда, явился вечером, уже и наркоман гоношил на кухне, и жирная девка обслуживала зал. У меня хотя и один глаз видит, но видит так, что сокол с ястребом позавидуют. Усек я сразу, что у кента пушка в правом кармане, он руку оттуда не вынимает, одной левой листает меню.

Заказал литр текилы. Ни хрена себе, думаю, вот это на душе у человека дерьма накопилось, раз решил в мясо себя уделать. Но я ошибся. Вскоре к нему подкатил чувачок в красном спортивном костюме.

ме. Накрыли им на двоих. Мяса заказали, зелени всякой, соусы, все по-человечьи.

Есть у нас один постоянный посетитель, дура дурой, но красивая баба, имени ее никто не знает. Одну неделю она Оля, другую Вика, иногда Каролиной себя может назвать или Лаурой. Но не шлюха, нет. Был у нее парень, байкер по кличке Дрон, так после того, как он разбился под Коломной, она вроде как сошла с ума. Не сильно, не так, чтобы вилки глотать или говном стены мазать, нет. Но тронулась умишком, мне лично это было очевидно.

В тот день она звалась Татьяна.

– Эй, – говорю ей, – ты раньше тех двоих видела у нас?

– Нет, – отвечает. – Хотя красный похож на кого-то, не могу только вспомнить, на кого конкретно. О! Дак на Овечкина!

– Мне кажется, что у черного ствол в кармане. Не начал бы стрелять.

Она взяла сигарету и, не торопясь, прошла от барной стойки к дальнему столу, где сидела ее собутыльница со смешной фамилией Занозова. Потрепалась там с минуту и обратно ко мне мимо стола тех двух кексов.

– У красного тоже ствол топорщится. Обратил внимание, что он морщится периодически?

– Обратил. Нервничает дядя.

Красный все больше слушал, черный в основном говорил. Но говорил тихо, до нас ничего не доносилось.

Татьяна (или как там эту сучку на самом деле) накидывалась водкой, даже лимона не спросила, но я ей нарезал лимон, чтоб не напоролась слишком быстро. Когда она напивается, то может заблевать ползала. А Лизавета взяла больничный лист, как она любит это делать в последнее время. Мне, что ли убирать за этой алкоголичкой? Закусывай, говорю, пользуйся добротой моей.

Выпив почти половину, мужики стали говорить громче, слух при опьянении, как известно, ослабевает. Черный рассказывал какую-то историю. Видимо, он увлекся сильно, потому что на столе держал обе руки, иногда жестикулируя ими. Красный делал вид, что внимательно слушает.

Татьяна с подружкой спьянились, стали петь под музыку в Танькином мобильнике. Причем пели такой попсовый шлак, такую дрянь бабскую, что выбесили меня. Я вышел из-за бара и отобрал чертов мобильник. Они заорали на меня, но женские крики никогда не влияли на мои политические убеждения и музыкальные пристрастия. Говорю, отдам, если поклянетесь больше не бляеть в культурном заведении. Поклялись, слабохарактерные.

– Дружище, – вдруг говорит мне черный. – Сегодня ночью умрет один несчастный человек.

– Я слушаю вас внимательно, – отвечаю, ну а что я должен был сказать.

– Проблема в том, что это хороший человек, ему жить бы да жить. Но он должен умереть. Must die.

– Мазай? Это с Профсоюзной который? Погорел на крафтовом пиве, весь в долгах, жена с детьми бросила и забрала у него «харлей» в счет алиментов.

– Нет, не он.

– Извиняйте тогда. Так в чем же дело? Чем я помочь могу?

Красный перекинул ногу на ногу. У него так и топорщились штаны. Думаю, это же психи, самые настоящие, никакому Тарантино наши

русские психи не снились, а если бы приснились пару раз, так он бы заикался потом до самой могилы.

– Ты присядь, – говорит мне черный. Я сел. Бабы снова завыли пугачевщину. Зашла компания из трех молодых парней, взяли меню.

– Однажды я уже был в твоём баре.

– Он не мой.

– Не перебивай. Я продолжу. Однажды я уже был в твоём баре, ты принес мне бургер, начос и текилы. Помнишь?

Отпираться было глупо. Помню, говорю, но не очень четко, так как болели зубы и вся та смена прошла, как в тумане.

– Меня отравили. Я вырубился, а когда пришел в сознание, то важной вещи, которая была при мне, не оказалось.

– Вы кого-то, пардон, подозреваете? Не меня ли часом?

– Больше в баре я никого не помню.

– Не помню и не было – это же разные вещи, правильно?

– Кто еще был в тот день?

– Да много всяких тут шныряет.

– Возможно. Но хавчик и алкашку принес ты, я тебя отлично запомнил.

– Я никогда не слышал, чтобы от начос отшибало память.

– Но в текилу легко подмешать психотропы, дружище. Нет?

– Да раз плюнуть. Были бы психотропы, как говорится, а уж с ними и море по колено.

Красный погладил ствол через спортивные штаны. Я вздохнул, семи смертям не бывать, да вообще мне скоро сорок два, возраст Высоцкого и Джо Дассена.

– Мотивация нужна для такого поступка, а у меня нет на вас обид или еще чего.

– За деньги маму отравишь.

– Нет у меня мамы.

– Мы теряем время. Говори, беззубый, как на духу – где записка из моего кармана?

– Не знаю, в натуре, не знаю. В глаза не видел. В глаз.

Они засмеялись.

– Что хоть в ней было?

– Адрес.

– Все равно не видел. Я вынес сыр, а вас, мужчина, уже и след простыл. Может, когда поднимались вверх по лестнице, обронили?

– Значит, не хочешь признаваться.

– Хочу. Но не знаю в чем.

Красный разлил алкоголь. Настроение было испорчено, я показал пальцем корове нашей, чтобы принесла мне стакан.

– Текила за счет заведения. Плесните и мне уж.

Наступила или даже повисла, йопта, пауза. Говорить никто не хотел почему-то. Почему я не хотел понятно, а эти двое просто закусывали, курили, пялились на Танюшу и ее каркалыгу пьяную.

– У нас по четвергам и пятницам блюзы лабают и рокабилли.

Черный затушил окурок.

– Но сегодня понедельник. Итак, бармен. Где моя записка?

– Не брал.

– А кто брал?

– Не видел. Выходил на кухню.

– Но кто-то меня отравил и стащил записку с нужным мне адресом.

- Давайте попробуем восстановить по памяти адрес?
- Как? Я ее даже не раскрывал, она была сложена вчетверо.
- Тогда можно спросить того, кто вам ее передал.
- Думаешь, без тебя не догадались бы?

Красный наклонился ко мне, почесывая ствол.

- Тот, кто передал записку, случайно застрелился в субботу.

– В пятницу, – уточнил черный.

– Теперь вы хотите убить меня? – спросил я, кажется, покрываясь каплями пота. – Невинную кровь проливать где будем?

– Здесь.

– Так тут люди. Бабы заорут, на кухне тоже народ. А эти вон трое сидят, морды сальные. Нет, тут не надо. Зацепим посторонних, не по-христиански это.

– Ты набожный, что ли?

– Есть такое.

Выпили еще. Я расхрабрился, чего мне было уже терять.

– Я думаю так. Вам передали адрес человека, которого нужно было убрать. Физически, йопта, устранить. Заказчика вы не знаете, весточку притаранил шестерка, лох ушастый. У него были свои терки с кем-то, и ему организовали самострел. Теперь вам надо исполнить заказ, потому что заказчик заподозрил вас в убийстве его человека. Но у вас нет записки с адресом, ее кто-то украл или, тысячу прощений, кто-то ее банально просрал. Что в оконцовке? Или вы убьете чувака, чьего адреса и имени не знаете, или вас укокошат.

Кенты переглянулись. Я понял, что угадал, попал в десяточку.

– Моя смерть вам точно ничем не поможет. Но я готов, конечно, пострадать за какого-то упыря. Который, кстати, никогда и не узнает, что я, Иван Засосов, погиб вместо него.

Мы опять замолчали. На душе совсем у меня стало душно и тошно. Я крикнул наркоману, чтобы сделал по два шампура шашлыка.

– Пожрать хоть напоследок. Не возражаете?

– Ты виноват, бармен. Но пожрать не возражаем.

Зал опустел, все столы были свободны. Я не заметил, куда делась Танька с носатой дурочкой. Наркоман, пока я отсутствовал за барной стойкой по уважительной причине, зарядил в ноутбук свой плейлист. Он меня всегда удивлял, у него был настолько разнообразный музыкальный вкус.

Don`t stop, don`t stop the dance. Была у меня такая кассета когда-то.

Тарантино или Гай Ричи? Черный или красный? Жалко, Хэм в командировке, так бы он живо навел марафет, у него жесткая братва в корешах. Но все умотали на Донбасс.

– Пойдем, – сказал черный красному.

Я остался за столом, мягко говоря, в недоумении. Оба моих предполагаемых палача ушли. Мне не шестнадцать лет, я не питаю иллюзий относительно моральных качеств профессиональных убийц. Наверняка они бы вернулись за мной, хотя я не устану повторять: не видел я никаких записок. Но они не вернулись и уже никогда не вернуться.

Наркоман дня через три тычет мне в рожу смартфоном. На, говорит, глянь, твои дружбаны, с которыми ты текилу хлестал. Беру мобилу, читаю новость: «В Москве-реке обнаружены тела двух известных в криминальных кругах киллеров». Смотрю на фотки, точно мои кенты.

– Засосов, – говорит мне наркоман. – Знаешь, как их звали?

– Ну, откуда, йопта.

– Киллер Петров и киллер Сидоров.

Я даже расстроился немного, потому что у каждого своя работа, свои косяки. В «Серой лошади» меня так отмудохали однажды за то, что я водку разбавлял слегонца. Думал, помру.

Лизавета позвонила и сказала, что больше работать не будет, что увольняется, что все ее достало, что она беременная и не знает, от кого из нас, ну и все в таком духе. Вернулся Хэм.

– Чего так грязно, Айсман?

– Лизавета нарулила, вот и грязно.

– Бери халат ее и подмети быстренько. Сегодня важный человек придет к нам, мы с ним познакомились в Донецке.

Я отправился в подсобку, включил свет, напялил на себя Лизаветин халат. В левом кармане лежала зажигалка. Достал. Не работает. В правом кармане я нащупал какую-то бумажку. Развернул.

Это был адрес и код домофона. Фамилии жертвы или инициалов, как это бывает в кино, на записке не было. Только одно слово.

ВСЕХ.